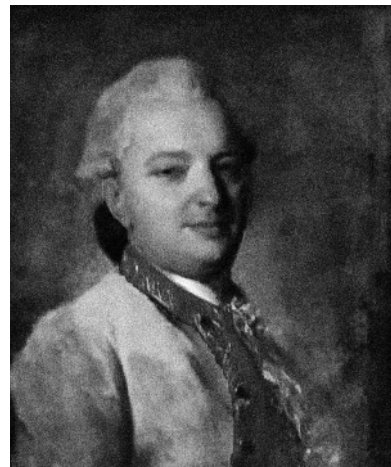

Алла Майкова — из тех актрис, которые не останавливаются на достигнутом. Это — *regretium mobile*. В свое время она снялась в одном из ярчайших фильмов советской эпохи — «Агонии». На страницах «Юности» Алла Николаевна когда-то подробно рассказала о съемках и о судьбе этого фильма. А еще Алла Майкова много лет играла в Ленинградском театре комедии и запомнилась во множестве кинолент, среди которых «Враги», «Дульсинея Тобосская», «Не стреляйте в белых лебедях», «Мать Мария», «Гардемарины, вперед!» и другие.

После того как кино и театр стали воспоминаниями, Алла Майкова начала писать стихи, прозу, ведь она из великого рода Майковых, ее прямой предок — Василий Майков, чья комическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вах» будоражила воображение нескольких поколений российских читателей века восемнадцатого. И вот новая встреча с творчеством Аллы Майковой.

Василий Иванович Майков
(1728–1778). Худ. Федор Рокотов

ЗАПИСКИ

* * *

В субботу и в воскресенье я не приходила к Володе и Андрею в квартиру. Это было условие — не беспокоить их.

Но однажды в субботу в 12-м часу дня я к ним пришла. Приготовила что-то вкусное и принесла. Когда я вошла, Андрей заканчивал обед. Через несколько минут он должен был уйти в гимназию. Я воспользовалась этими минутами и обратилась к Андрею и Володе.

- Вы смотрели вчера вечером игру Козлова?
- Нет. Я делал уроки, — ответил Андрей.
- А ты? — обратилась я к Володе.
- Мне эта тупость неинтересна, — ответил он.

Но я продолжила:

— Там был вопрос к игрокам: «Что добавляли к еде для здоровья рабам, строившим пирамиды?»

- Чеснок, — ответил Андрей.

Андрей Майков, племянник

— Правильно. Игроки сказали — лук.

Но им дали возможность отыграть, и они достали бумажечку с вопросом:

— Наполеон говорил, что у него хотят отобрать любовницу, которая ему дороже жизни. Назовите любовницу Наполеона.

— Власть, — мгновенно, четко ответил Андрей, вставая из-за стола.

— Правильно! — подтвердила я, опешив от точного ответа Андрея. — А игроки сказали «слава».

— Нет. Слава может быть и без власти. Власть, — уверенно повторил Андрей.

— Да что же это такое? — возмутилась я. — Ты в 8 лет ответил правильно. А игроки, которым за 20, не знают. Дураки, что ли?!

— Нет, Алла. Они умные. Они такие умные... а вопросы такие легкие, что они их просто не заметили, — оправдал игроков Андрей, надевая куртку и беря портфель.

Во дворе Андрея ждал его друг, одноклассник Антон. Я смотрю с балкона, как они идут по двору, вошли под арку, их уже не вижу, но знаю, что перейдут через дорогу и дальше... в гимназию. Учиться.

Андрей окончил МГУ имени Ломоносова, факультет вычислительной математики и кибернетики. Трудится.

ЛЕТО 1942 ГОДА

Лето 1942 года. Мама идет в город поискать магазин или ларек, чтобы купить хлеб, пшено. Я как всегда у нее на руках. А она сама худенькая, маленькая-маленькая. И на какой-то улице она подходит к очереди и становится в нее. Меня поставила рядом с собой. Но я отошла шага на три. Далеко нельзя! Подняла веточку, рассматриваю на ней листочки. Потом камешком черчу палочки, крестики. Метрах в пяти от очереди дорога для машин в рытвинах и камнях, грязная. И одна проезжавшая машина резко остановилась.

Из кабины выпрыгнул немец, а из кузова спрыгнули два немца. Тот, что из кабины, что-то говорит двум немцам из кузова. Жестко показал рукой на очередь, и эти два побежали к очереди и вырвали из нее мою маму. Грозно тявкнули «юда» и потащили маму к машине. Очередь замерла. Но вдруг одна женщина крикнула:

— Нет! Нет! Она не юда — она русская!

Женщина кричит, идя к немцу, а следом идет другая и тоже кричит:

— Она русская!

Мама споткнулась, упала, и ее тащат по грязной дороге с камнями.

— Вот ее дочь, смотри, — показывает на меня женщина. — Иди сюда! Иди к маме! — подзывает меня.

Алла с мамой Марией Ивановной.
1942 год

Я стою, смотрю на происходящее: маленькая, чистенькая, вьющиеся светлые волосы и большие голубые глаза.

Офицер смотрит на меня, я на него, и, не отрывая от меня глаз, что-то жестко говорит двум немцам, державшим за руки мою маму. Резко повернувшись, прыгнул в кабину, а эти двое отшвырнули от себя маму, вскочили в кузов, и машина быстро поехала.

Маму подняли с дороги эти две женщины и повели к очереди, стоящие в ней эмоционально, но негромко говорили, говорили... Мама плакала, вытирая кровь с лица и ног.

Я подошла к маме и обняла ее ноги.

Алла (в центре) с подругой Цилей в детском саду. 1944 год

Алла (справа) со школьной подругой Светой Сапуновой

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

Вечер был, как говорится, в разгаре, когда в комнату (кабинет) вошла улыбающаяся, счастливая, что видит нас, В.В.

Мужчины встали, пропуская ее к столу. Она шутит, смеется. Я обратила внимание на кольцо на пальце ее руки. Удивилась размеру жемчужины. Сомнений не было в ценности увиденного и во вкусе В.В.

Цвет холодный, уверенный. Роскошно, думала я, уставившись на кольцо.

— Эта жемчуг? — спрашиваю я В.В.

— Это серебро, — мгновенно отвечает она, снимая с пальца кольцо, и передает его через двух сидящих между нами женщин.

Кольцо у меня в руках. Красивое, эффектное. Поднимаю глаза и вижу, как В.В. категорически снимает с ушей своих серьги, такие же, как кольцо, и через мгновение они уже у меня в руках рядом с кольцом.

Я оценила улыбкой и соответствующими словами прелесть ювелирного изделия с подмигивающими в них бриллиантиками, и возвращаю его, передавая в руки рядом сидящей женщины.

— Нет! Нет! — останавливает передвижение В.В., глядя на меня. — Я дарю вам, — заявляет счастливая, ничуть не померкнувшая без украшений В.В.

Ошарашенная поступком, подарком, понимая, что возможности отказаться нет, что это приговор, начинаю соображать, что же мне подарить в ответ.

О случай! Вспомнила! Достāju из сумки жемчужное ожерелье, купленное накануне. Показывая его всем, счастливая, передаю его через руки двух женщин, сидящих между нами. Ошарашенная моим ходом, хохоча, В.В. ныряет в него, и жемчужины уже играют на ее добротной груди.

Все обалдели от этой импровизации, смеются, приветствуют, радуются.

Конец зиме. Март. За окном идет снег, взвиваемый резкими порывами ветра... На подзеркальнике одинокие, скучающие серебряные шарики. Нырнув в мою ладонь, они благодарно затеплились. Вот они уже в моих ушах, на пальце. Красиво. Взаимно уютно.

20 апреля 2011 года